

...А СТЕКЛАХ
...ЕГКИЕ
...ЗОРЫ...

— С каждым годом ...рибавляют мне рабо...ы!

Рисунок В. ГОРЯЕВА

Перед стартом

От гор Карпатских до Камчатки
Кружится елей хоровод,
Стоит на стартовой площадке
Розовощекий Новый год.

В руках — космические карты
И план земных великих дел.
Он заявленье перед стартом,
Конечно, сделать захотел:

— Друзья! Прошу поднять бокалы,
Позвольте мне поздравить всех.
Пусть вам в делах больших и малых
Всегда сопутствует успех!

Я верю в то, что будет завтра
Продолжен смелый штурм небес,
Луну освоят космонавты
С двойной фамилией и без.

Я верю: справят новоселье
Десятки тысяч земляков
И через две иль три недели
Не омрачится их веселье
Ремонтом стен и потолков.

Надеюсь, помощь им окажут
И мебельторг и мебельсбыт,
И новосел найдет в продаже
Все, что на выставках стоит.

Год этот будет олимпийским
(Уже не римским, а токийским),
И славу, что принес нам Рим,
Мы с вами удесятерим.

И пусть в Стокгольме наш футбол
Одержит новую победу,
Чтоб не глотать нам валидол,
А слышать радостное: «Гол!
Ура, мы ломим! Гнутся шведы!»

Пускай работники искусства
В искусство вложат столько чувства,
Чтобы в театре и в кино
Нам не смеяться там, где грустно,
И не грустить там, где смешно.

Пусть драматурги спорят рьяно,
Как им воспеть геройский труд.
Но пусть для сцены и экрана
Не инсценируют романы,
А сами что-то создают.

И сатирическому цеху
Желаю всяческих успехов.

Есть магазин без продавцов,
И есть зарплата без кассира —
Пусть так потрудится сатира,
Чтоб жили
мы без дебоширов,
Без тунеядцев и глупцов.

Поскольку дел невпроворот,
Позвольте кончить мне на этом.
Я начинаю свой полет,
Итак, ракету мне, ракету!

КРОКОДИЛ

Костюм Снегурочки модели 1963 года.

Рисунок Е. ГОРОХОВА

СОВЕТЫ НА КАЖДЫЙ ГОД,

или еще раз к вопросу о некоторых аспектах методики подготовки к встрече Нового года.

СЛЕДУЕТ ЛИ ОБЕДАТЬ? Существует мнение, что обедать не следует и вообще в течение всего дня тридцать первого декабря есть не стоит. Мол, поскольку стол будет праздничным, обидно оказаться сытым раньше, чем все перепробуешь. Известная доля логики, конечно, в таком рассуждении есть. Однако не следует злоупотреблять добровольной голодовкой. Нам случалось наблюдать, как многие гости приходили, шатаясь от слабости. Казалось, если открыть форточку, они упадут даже от самого легкого сквозняка. Другие, взглянув на праздничный стол, начинали от избытка чувств плакать и всхлипывали потом всю ночь. Третьи, вспомнив вдруг, что после длительного голодания обильная еда вредна, просили хозяев дать им на закуску полстакана молока.

Поэтому лучше всего тридцать первого декабря вести нормальный образ жизни. Тогда вы сможете сделать это и первого января...

КУДА ДЕТЬ РЕБЕНКА? К сожалению, ряды бабушек, которые в старые добрые времена соглашались встретить Новый год в обществе внука или внучки, за последнее время сильно поредели. Не то чтобы их стало меньше. Нет, просто нынче они тоже норовят провести новогодний вечер в обществе, и грех препятствовать им в этом.

Что делать? Не оставлять же ребенка в пустой квартире... Взять с собой тоже опасно. Новогодняя компания слабовато представляет, какое впечатление может она произвести на малыша.

Поэтому рекомендуем одеть ребенка, взять его на руки, дождаться, пока он уснет, и отнести в ближайшее отделение милиции. Там, рыдая от жалости, вы расскажете, что нашли этого крошку на улице и что бедняжка, наверное, потерялся. Растроганный милиционер смахнет с сурового лица ненароком набежавшую слезу и скажет: «Не беспокойтесь, граждане. Ребенок в надежных руках».

(Смотри стр. 5.)

Последние дикари

Новогодние размышления

Культура проявляет трогательную заботливость о диких животных и дикой природе. Культура и наука окружают их вниманием, прилагают старания к тому, чтобы их сохранить.

Но диких зверей осталось на нашей планете очень мало. А некогда все животные были дикие и почти все — хищные. Даже наша курица была когда-то дикой курой. Нам трудно себе представить это. Но возможно, что у предков нашей хохлатки были во рту острые зубы и пракурица убивала хищным клювом других животных, таких же хищных, но более слабых.

Теперь из редкостных зверей остались только отдельные особи в самых глухих местах.

Для них устраиваются заповедники. В Африке, например, существуют большие пространства величиной с иное европейское государство, где бродят стада диких слонов, а в реках резвятся гиппопотамы и крокодилы. Слоны ведут себя в заповедниках довольно нагло, потому что знают свои привилегии и не боятся охотников.

Дикие люди, дикари, тоже некогда заселяли сплошь нашу планету. Они не знали законов, не понимали, что такое государство и демократия, свобода слова и неприкосновенность личности.

К началу нашего века в большинстве стран культура вытеснила дикость. Огромную роль сыграла социалистическая революция. Там, где побеждает социализм, там исчезает дикость. Никто не помышляет о том, чтобы устроить заповедник для дикарей и сохранить хотя бы парочку в интересах науки. Дикость осуждена в культурных странах навсегда и бесповоротно.

На огромных пространствах Азии и Европы нельзя ныне найти ни одного дикаря. До недавнего времени Африка почиталась страной дикарей, поговаривали даже, что здесь сохранились людоеды. Это ложь. Людоедов давно нет, а бывшие «туземцы» создают независимые государства, вырабатывают свои конституции и законы, производят выборы и вообще устраиваются культурно.

Исключение составляют лишь немногие африканские страны. Например, Южно-Африканская Республика. Там бледнолицые дикари пытаются удержать чернокожих людей в рабстве и в невежестве.

Но всего больше дикости и дикарей сохранилось в США. Последние трагические события в этой стране раскрыли эту истину с потрясающей ясностью. Дикари населяют по преимуществу южные штаты, но встречаются всюду, вплоть до Крайнего Севера. Эти дикари не признают никаких законов, ненавидят демократию, не чтят правосудия, им неведома обычная мораль культурного общества.

Белокожие дикари носят штаны, но лишены совести и чести. Они живут, как и первобытные обитатели Америки, кланами. Есть Ку-клукс-клан. Другие кланы называют себя бэрчистами, диксикратами и т. п. Они свирепы и глубоко ненавидят культурных людей.

Еще раз подтвердилось, что материальный прогресс сам по себе не ведет к прогрессу духовному. Американский дикарь-бэрчист разгуливает не нагишом, как его волосатый предок. Он щеголяет орлоновой рубашкой, нейлоновыми подтяжками и байлоновыми джинсами с застежками-молниями на ягодицах. Душа у бэрчиста тоже синтетическая — синтез питекантропа с нацистом. В отличие от древних огнепоклонников он не сваливает хворост в хаотическую кучу. Он учил в школе геометрию и потому аккуратно, строго перпендикулярно сколачивает деревянный крест и поджигает его на страх неграм. При этом улюлюкает в совершенно первобытном экстазе.

Дикарь слепо верил своим шаманам.

— Умба, дымба, ла ба да! — надсаживался шаман. Розовая пена кипела на его фиолетовых губах.

— Умба, дымба! — ревели некритически настроенные слушатели, содрогаясь в конвульсиях.

Техасскому нефтепромышленнику — миллиардеру Гарольду Ханту нет нужды гарцевать нагишом под пальмой и исходить воплями. У него есть группа наемных пропагандистов, которая сочиняет программы для 350 американских радио- и телестанций. Оттуда антикоммунистическая, античеловеческая «умба-дымба» несется в эфир. На ультракоротких волнах Хант ведет ультрабешеные передачи. Дикари крутят ручки своих транзисторов, и розовая пена безумия вскипает на их перекошенных губах.

Формально они не людоеды, но психология у них людоедская. Они могли бы зажарить и съесть любого белолицего или чернолицего культурного человека, который придерживается прогрессивных взглядов.

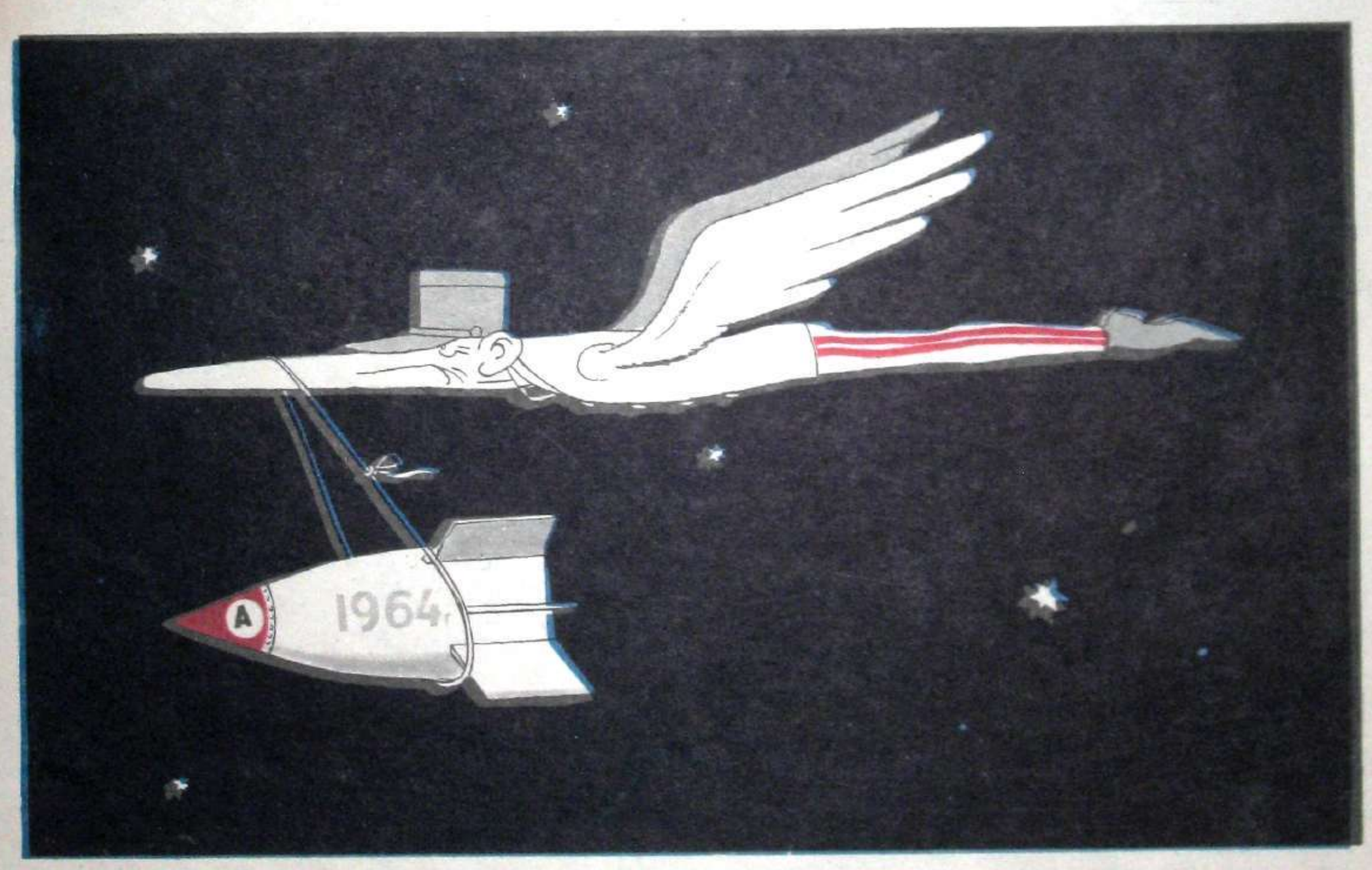
Дикарям принадлежит еще огромная власть в США. Они господствуют в южных штатах и протягивают свои руки к северу, чтобы задушить и здесь всякие признаки демократии и свободы.

Мы наблюдаем сейчас борьбу дикости и культуры в США. И мы знаем, что эта дикость угрожает и другим странам, где живут культурные люди.

Я вглядываюсь в будущее, стараюсь заглянуть через десятилетия. Я вижу, как социалистическая, демократическая культура всюду побеждает и вытесняет с нашей планеты последние остатки дикости и людоедства. Я знаю, что планета наша будет очищена от грязных и кровавых пятен, которые еще пачкают ее, как была испачкана кровью площадь в городе Далласе на том месте, где жертвой американских дикарей пал президент Джон Кеннеди.

Я думаю об этом на исходе старого года, в преддверии нового года и нового десятилетия. Я счастлив, что живу в культурной стране, среди культурных людей.

Д. ЗАСЛАВСКИЙ

Аист из Парижа.

Рисунок Е. ГУРОВА

Кто он и?

Рисунки-загадки А. ЦВЕТКОВА

— Итак, товарищи, на повестке дня один вопрос: встреча Нового года. Кто «за» — прошу поднять бокалы...

— Я поднимаю этот бокал за правильное использование техники!

— Этот мой тост обращен к райисполкому, копия прокуратуре, ОБХСС, копия редакции районной газеты...

— Мой тост — за дом, который мы с успехом сдали в канун Нового года.

— Повысим качество продукции!

А. САЛЕНКО,
Ф. ГЛУХМАН

НЫТИК

«Холодный ветер безграничных пространств колеблет желтую свечу человеческой жизни»,— прочел он в книжке, оставленной ему в наследство бабушкой, суеверной и богобоязненной старушкой. Понравилось. Захотелось плакать и чего-то еще.

Он оделся и вышел на улицу. Было морозно и празднично. Люди, нагруженные пакетами, от которых пахло фруктами, елкой и вкусной праздничной всякой всячиной, садились в троллейбусы. Он вспомнил, как много лет назад пришел к энтузиастам троллейбусного дела и скептически сказал:

— Вы что, с ума сошли? Зачем нам троллейбус? Чтоб током всех поубивало? Да и не выйдет ничего. Вот увидите. Хи-хи...

— Не сомневайтесь, гражданин, все будет как надо. И не волнуйтесь: это вредно для здоровья,— ответил ему молодой электрик.

— Оставь свои дурацкие советы при себе, мальчишка! — проскрипел он.— Я прожил 63 года и 61 из них сомневался. И, как видишь, жив-здоров...

Это был на диво живучий нытик...

*

Собственно, нытики были во все времена. Когда древние люди собирались на мамонта и, нервно перебирая в руках каменные топоры, готовились к схватке, в их рядах внезапно раздавался писклявый голос:

— Да разве ж это топор? Это же камень, привязанный к палке самодельной веревкой. С таким топором ничего не выйдет...

Шли годы, менялись эпохи и люди, а нытики приспосабливались к новому, поглаживали полненький животик и пели старую песню:

— Нет, нет, это все не то. И не так. И ничего не выйдет...

*

Он упивался своими сомнениями, как курильщики упиваются опиумом.

Молодые, горячие ребята уезжали на новостройки Сибири. Он приходил на вокзал и, заложив руки за спину, философствовал:

— И нужна вам та Сибирь! Вот померзнете в снегах да сугробах — он и пропадет, запал комсомольский. Он такой, этот запал. Хи-хи...

— Не пропадет, можете не сомневаться! — отвечали ему.

Но он сомневался. Сомневался, когда читал в газетах о планах развития Большой химии.

— Придумали тоже — химию. А знаете ли вы, что это такое? Вот перепутают наши агрономишки порошки химические, растения все пожгут и скот потравят... И получится компот. Хи-хи...

Его переубеждали, ему доказывали, от него просто отворачивались, потому что было противно видеть его нытье-бытье, но он продолжал сомневаться. Изредка ему случалось кого-нибудь заразить своими сомнениями. Тогда он предавался злобной радости и с гордостью думал:

«Теперь этих оптимистов стало на одного меньше. Подождите, я еще вам покажу!»

*

Это был единственный в своем роде нытик — последний нытик нашего времени. И вот теперь он шел по городу, одетому в веселый зимний наряд. Шел и во всем сомневался.

А ветер раскачивал яркие электрические лампы. А вокруг кипела жизнь. Нытик не любил этого. Нытику хотелось, чтобы ему сочувствовали, чтобы с пониманием качали головой, многозначительно покашливая. А этого не было. И не могло быть. Потому что время не то. Потому что люди не те. Потому что жизнь теперь такая: не ныть надо, а изумляться великим свершениям и работать, работать, чтобы заслужить себе равное место среди равных...

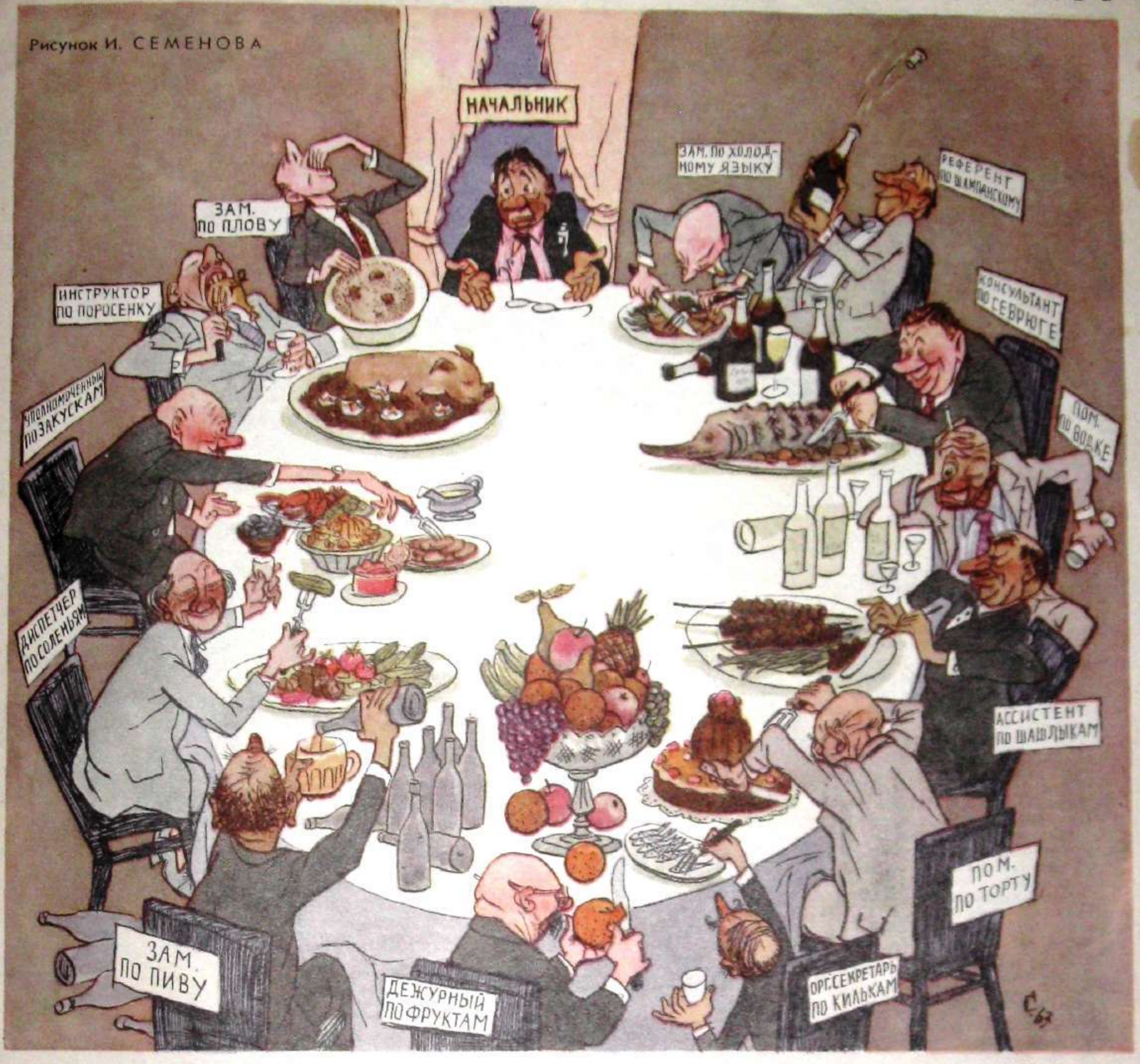
Нытик пришел домой... и умер.

*

Собственно, на празднике не принято говорить о смерти. И мы явно поторопились умертвить последнего нытика. Он живуч еще, этот нытик. Он еще ходит где-то рядом с нашей жизнью и ноет, ноет, как больной зуб. И поэтому мы думаем, как все-таки будет радостно, когда ветер нашего времени задует его желтую свечу!

г. Херсон.

ЗА НОВОГОДНИМ СТОЛОМ, КАК НА СЛУЖБЕ

С. МАРШАК

Деду Морозу

Ответ на традиционную новогоднюю анкету «Над чем вы работаете?»

Вчера звонил мне Дед
Мороз:
— Что пишешь, дед
Маршак?
Я, Дед Мороз, на твой
вопрос
Могу ответить так:
Хоть бородою ты оброс
Почти до самых пят,
А любопытен ты, Мороз,
Не менее ребят.
Ты и писать умеешь сам
И рисовать цветы,
Но не рассказываешь нам,
Что нарисуешь ты.
И мне позволь не отвечать
Пока на твой вопрос.
Вот я отдам стихи в
печать —
Прочтешь их, Дед Мороз!

СОВЕТЫ НА КАЖДЫЙ ГОД

НОВОЕ ПЛАТЬЕ. Если вы заказали новое платье портнихе, меньше всего думайте о том, где вы встретите Новый год. Вы встретите его у портнихи, ибо история швейного искусства еще не знает случая, чтобы платье было готово в срок.

Поэтому всякая предусмотрительная женщина должна запастись закуской, выпивкой и отправиться со свертком на последнюю примерку. И там, вскрикивая от булавочных уколов, вся исчерченная таинственными меловыми знаками, с одним пришитым рукавом, она славно встретит Новый год в новом платье.

ЗЕРКАЛО. Опытным путем установлено, что никакой мужчина не может понять души женщины вообще, а особенно в те минуты и часы, когда она стоит перед зеркалом, собираясь на встречу Нового года.

Спрашивается: куда девать мужа в это критическое время? Дать ему возможность преспокойно бродить по квартире и отпускать глупые шуточки по поводу ваших сборов? Ни за что! Заставить его заняться чисткой раковины или натиркой полов? Жаль нового костюма, который он поспешил надеть, так как еще два часа назад вы сказали мужу, что уже готовы. Поэтому лучше всего запереть мужа в кладовке или выставить его в подъезд. И тогда он не посмеет произнести обычную в таких случаях фразу: «Если ты сию же минуту не прекратишь кривляться, я разнесу это проклятое зеркало вдребезги!»

(Смотри стр. 6)

СОВЕТЫ НА КАЖДЫЙ ГОД

КАК СПРАВИТЬСЯ С ЗАПОНКАМИ? Известно, что самые коварные враги рода человеческого отличаются мелкими размерами. Например, вирусы, микробы, пуговицы, шнурки и запонки.

Запонка, закатившаяся под кровать без двадцати двенадцать 31 декабря, коварна, как кинескоп со штампом «Первый сорт». Пуговица, оторвавшаяся без пятнадцати двенадцать, неуловима, как официантка ресторана в часы «пик».

А затерявшаяся без десяти двенадцать губная помада может сделать совершенно бессмысленными долгие годы, потраченные вами на укрепление супружеских уз.

Что же делать? Если учесть, что вышеназванные предметы дьявольски хитры, следует их бить их же оружием. Обнаружив, что не можете найти галстук, не подавайте вида. Смейтесь и веселитесь. Галстук, видя ваше равнодушие, в конце концов вынужден будет выползти из укрытия и предстать перед вами.

Как ни странно, так оно обыкновенно и бывает.

ФАКТОР ВРЕМЕНИ. Новый год не обидчив. В некотором смысле он даже назойлив. Хоть встречай его, хоть не встречай, все равно придет. И тщетно граждане, выбившиеся из графика, будут умолять Новый год повременить хоть четверть часика, покуда они доберутся до ближайшего новогоднего стола.

Поэтому для граждан, коим суждено быть застигнутыми Новым годом в пути, управление транспорта заготовило кое-какие плакатики-инструкции.

Например, в маршрутном такси:

«Не затрудняйте водителя просьбами дать штопор».

В метро, над эскалатором:

«Пейте справа, проходите слева».

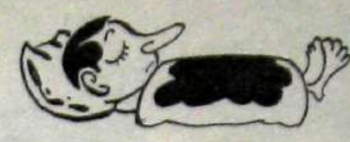
В троллейбусе:

«Граждане пассажиры, своевременно закусывайте. Не подносите водителю. Помните, что, хотя троллейбусы работают без кондуктора, без водителя они пока что работать не могут».

О том, как не опоздать на встречу Нового года, уже говорилось и писалось довольно много. Сообщаем самый надежный способ.

В одиннадцать часов тридцать минут надо надеть тщательно отутюженный праздничный костюм, как следует завязать модным тройным узлом самый красивый галстук, еще раз побриться, попрыскаться одеколоном, до блеска вычистить ботинки, раздеться и лечь спать.

Этот способ еще ни разу не давал осечки.

КУДА ДЕВАТЬ ПАЛЬТО? По прошлым встречам Нового года вам известно, что стандартные вешалки никак не рассчитаны на то количество гостей, которых вы пригласили. Возникает вопрос, куда класть пальто и шубы. Можно, разумеется, попросить гостей складывать верхнюю одежду в аккуратные кучки на полу, на шкафу, с которого не сметалась пыль с момента покупки, класть ее под себя, на стулья. Но гости почему-то встречают подобные предложения без энтузиазма, особенно женщины.

Поэтому мы предлагаем простой и вместе с тем удобный способ решения проблемы. Встречая первых гостей, любезно помогите им разоблачиться. Повесьте их пальто на вешалку и попросите пройти в комнату, где уже приготовлен альбом с фотографиями вашего сына в возрасте от трех до пяти месяцев.

Как только первая партия скроется в комнате, немедля хватайте одежду и сбрасывайте ее на пол или кладите на тот же шкаф. Проделайте такую операцию со всеми приходящими гостями. Каждый останется в счастливой уверенности, что его пальто аккуратно висит на вешалке.

Вы спросите, что делать, когда гости будут уходить? Отвечаем: утро вечера мудренее.

КТО РАНЬШЕ? Каждый знает: когда гостей приглашают к столу, возникает определенная неловкость. Никто не хочет садиться первым, чтобы не прослыть обжорой или, хуже того, выпивохой. Все работают локтями, подталкивают друг друга в спину, а иногда даже пускают в ход колени. Это грубо. Силовые приемы за новогодним столом неуместны. Очередную жертву для насмешек и упреков надо выбирать более демократично. Найдите в кухне пустую салатницу, бросьте в нее фантики с номерами, и пусть каждый испытывает свою судьбу. Тот, кому достался первый номер, напрасно будет доказывать, что он всю жизнь придерживается строгой диеты и не переносит даже запаха спиртного. Ему все равно не поверят.

(Смотри стр. 11.)

Манфред МАГНУС

КОЗЕЛ ОТПУЩЕНИЯ

В трамвай набилось столько народу, что я явственно слышал, как трещали стены. Шевелюра стоящего впереди человека лезла мне в рот. Я бы даже сказал, что она уже стояла у меня поперек горла. Мои ноги давно висели в воздухе, причем разутые. Туфли я потерял, едва войдя в вагон.

Резкий, холодный ветер врывался с передней площадки. Кто-то закашлялся и внезапно закричал:

— Сквозняк! Закройте дверь!

Эти слова подхватил весь вагон. Взоры возмущенных пассажиров уперлись в человека, который застрял в дверях. Беднягу так зажали, что он при всем желании не мог пошевельнуться. У человека были кроткие бледно-голубые глаза и серая шляпа. Он виновато улыбался.

— Наглость! Закройте дверь!

— У него котелок не варит!

Человек с кроткими глазами по-прежнему только вежливо улыбался. Пассажирам показалось, что это уже слишком.

— Долой!

— Холера ему в бок!

— Гнать таких в шею!

— Вправьте ему мозги!

Но ливень ругательств, казалось, нисколько не задевал голубоглазого. Он по-прежнему улыбался, мягко и терпеливо.

Доехав до своей остановки, я с превеликим трудом пробился к выходу. Человек в серой шляпе выскочил из трамвая передо мной.

— Простите,— заговорил я, вытирая взмокшую шею чужим носовым платком, неизвестно как попавшим в мой карман,— простите, как вы могли спокойно вынести такую ругань по вашему адресу? Вероятно, вы невропатолог или работаете в жилищном отделе?

Он покачал головой.

— Нет,— сказал он с кроткой улыбкой,— я футбольный судья.

Перевел с немецкого Н. ТОМАШЕВСКИЙ.

Сюрприз...

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА

А что, если бы?..

Юмористический эксперимент

Календарь — одно из величайших изобретений человеческого разума. Не будь календаря, мы плохо знали бы, когда начинается наш очередной отпуск и, еще хуже, когда пришло время возвращаться на работу. Мы отмечали бы дни недели варварскими зарубками на стволах зеленых насаждений, как это делали некогда какие-нибудь ацтеки. Мы путали бы сегодняшний день со вчерашним.

Словом, казусов и неприятностей было бы хоть отбавляй.

Но — слава мудрым астрономам! — календарем мы обеспечены, и поэтому все идет своим чередом.

История науки свидетельствует, что великие открытия часто проистекают из гипотезы, то есть из вопроса: «А что было бы, если бы?..»

Крокодилу, понятно, не до научных открытий. Однако гипотеза как таковая не противопоказана и сатирическому жанру. Поэтому мы решили произвести эксперимент: объявить, что в декабре будет 32 дня, и посмотреть, что из этого получится.

Что случилось 32 декабря на стройке, в театре, спортивном обществе, школе и в парикмахерской? Что делает в этот день синоптик и поэт-халтурщик, великовозрастный лоботряс и лектор-антирелигиозник? Обо всем этом рассказывается на наших страницах...

РУХНУВШАЯ ЦИФРА

Строительный трест дышал полной грудью.

С пулеметной торопливостью хлопала парадная дверь, конвульсивно стрекотали машинки, в папиросном тумане беззвучно лопались пузыри показателей. На лестничных маршах деловито поскрипывали сапоги имеющихся трудностей и отдельных недостатков.

Сегодня, 31 декабря, сдавалась железобетонная ограда на 1 650 погонных метров — гордость всего коллектива треста.

Надо по секрету сказать, что вообще в этом тресте никакое крупное событие не происходило на сером, будничном фоне. Начала и концы любых мероприятий неизменно упирались в ту или другую знаменательную дату.

Однако у юбилейных и предпраздничных свершений был серьезный минус: работали впопыхах, как попало. Иногда кто-то забывал вбить крайне необходимый гвоздь. Или вбивал его не тем концом. Исправления, переделки, а иной раз и капитальные ремонты начинались на другое же утро после провозглашения рапорта о героическом окончании работы. Впрочем, это уже мало кого интересовало.

Железобетонная ограда не была исключением из правила.

Накануне последнего и решающего штурма (монтаж крупноблочных звеньев ограды) к управляющему трестом проник застенчивый инженер Поперечный. Он пытался доказать, что истерические темпы возведения ограды обратно пропорциональны качеству, а следовательно, и ее долговечности...

Поперечный как лицо нежелательное был выведен двумя бравыми сотрудниками треста из кабинета и спущен с лестницы.

Тем временем трудовой накал строителей нарастал. Каждые полчаса трестовский посланец через микрофон напоминал о премиальных. Каждые десять минут выходила «молния» с такими, например, сообщениями: «Сварщик Петров дал только 650% плана. Позор отстающему!» В разгар монтажных работ исчез куда-то один блок, и его тут же заменили ажурным перекидным мостиком, доставленным из соседнего детского сада. Инженера по технике безопасности в бессознательном состоянии отвезли домой.

Без четверти двенадцать на стройку прибыл управляющий трестом. Глаза его искрились кавалерийской удалью. Ограда стояла, пошатываясь под дуновением ветерка, но она существовала. Это был реальный, осязаемый факт: 1 650 погонных метров! Это был показатель. Это была желанная Отчетная Цифра, которой тресту очень и очень не хватало.

— Мы пришли с вами, дорогие товарищи, к Новому году с новой трудовой победой! — хрипло выкрикнул управляющий трестом.— Досрочно сдана ограда, которая призвана...

* * *

Крепко спали работники треста, сладко похрапывали строители, когда ранним утром 32 декабря ограда, не устояв под порывами ветра, рухнула.

Ах, если б это случилось 1 января! Не пострадала бы Отчетная Цифра, не померк бы горделивый рапорт...

А скептик и консерватор Поперечный, проснувшись от грохота падающей ограды, еще раз подумал, что если б ее сдали к сроку, то есть деньков на двадцать позднее, простояла бы она, родимая, до скончания века...

ПОЭТИЧЕСКИЙ ЦЕЙТНОТ

Декабрьским вечером морозным,
Когда заканчивался год,
Мела метель под небом звездным
И... никак у меня, поэта Электрона Федосеева, не получалась четвертая строчка этого стихотворения.

На окнах снежные узоры
Искусно вывела зима,
Покрылись шапкой белой горы,
А... времени до сдачи стихов оставалось катастрофически мало.

Порошей зимней замело все:
Холмы, равнины и пруды,—
А сердцу нет покоя вовсе...

Но... тут мне позвонил приятель и сообщил, что в этом году объявлено 32 декабря.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Не прошло и суток, как я, охваченный творческим волнением, завершил начатое:

Декабрьским вечером морозным,
Когда заканчивался год,
Мела метель под небом звездным,
А в сердце май стучался... Вот!

ДВОЙНОЕ САЛЬДО

Петр Петрович, старший бухгалтер спортивного общества «Магнето», закрыл книгу учета личного состава с цифрой «1963», а на обложке новой книги жирно вывел: «1964». И вдруг зазвонил телефон.

— Да,— сказал бухгалтер,— я слушаю. Тридцать второе? Чистая правда?

— Такая чистая, что даже антисептическая,— подтвердила трубка.

— Афанасий! — закричал бухгалтер своему заместителю.— Если об этом узнает председатель нашего общества, он еще кого-нибудь за этот день сманит! Позавчера из «Беломорца» четверых переманил, знаешь, этих... Ну, которые с клюшкой... И еще штангиста из Ленинграда, у него плечи, как двускатная крыша. Хотел еще двух полулегких боксеров подцепить, да не успел: как раз не хватило одного дня. А теперь... Он успеет! Опять разлетится наш бюджет, как городошная фигура. Одному летуну подавай радиолу, другому — холодильник, а третий, разрази его гром, автомобиль требует!

— Ты паникер,— сказал мудрый Афанасий.— Не говори председателю про тридцать второе. Но сам воспользуйся. Понял?

— Понял! — озаренно прошептал бухгалтер.

Он оглядел фотографии только что заполученных в других обществах знаменитостей, развешанные на стенах. Первой красовалась фотография гимнастки Клавдии Войздух. Снимок великолепно передавал ее изящный прыжок. «Холодильник «ЗИЛ» сразу и предоставление квартиры потом»,— оценил его бухгалтер-прозаик. И вот теперь он со злорадством снял трубку:

— Товарищ гимнастка Войздух? Неважно, кто говорит. Вы знаете, что в этом декабре не 31, а 32 дня? Скорее пользуйтесь. Вы перешли в «Магнето» ради квартиры? Да? Так квартиры в будущем году не будет. Советую немедленно переходить в «Трудовые руки»! Я точно знаю — там сейчас как раз сдают новый дом.

Старший бухгалтер положил трубку и засмеялся счастливым октябрятским смехом. А потом позвонил всем «знаменитостям», прилетевшим в его любимое «Магнето» ради квартир и холодильников. И все они ринулись под сень других обществ, толкая друг друга выступающими частями тела.

Пусть летят они, летят.
Им уже не вернуться назад...—

запел неожиданно бухгалтер-прозаик и блаженно вздохнул.— Год-то какой хороший будет, батюшки! Бюджет цел. А главное, председателю теперь некуда податься: придется ему своих чемпионов готовить.

Крупными спортивными звездами за окном падал новогодний снег.

ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО

Лектор-антирелигиозник Модест Тимофеевич Закладкин был очень организованным, собранным и добросовестным человеком. По утрам он вывешивал над столом большой лист бумаги, на котором аккуратно записывал все, что ему предстоит сделать. И вот с некоторых пор в настенной памятке Модеста Тимофеевича регулярно стала появляться одна и та же запись: «Задушевное слово».

Да, вышла такая установка от непосредственного начальства Модеста Тимофеевича: не ограничиваться публичными докладами и лекциями, а проводить также задушевные беседы. При этом начальство имело в виду, что лектор-атеист должен задушевно беседовать именно с верующими.

Модест Тимофеевич все откладывал осуществление этого начинания. Он полагал, что побеседовать всегда успеет: ведь беседа не лекция и не доклад, к ней готовиться не нужно.

32 ДЕКАБРЯ

Модест Тимофеевич и не заметил, как подкатил конец года. А как же задушевное слово? Неужели он так и не произнесет его?

Выручило Модеста Тимофеевича 32 декабря. С самого раннего утра отправился он в обход близлежащих домов.

Надо ли рассказывать, что из этого вышло? В одну квартиру Модест Тимофеевич попал аккурат к танцам, в другой его попытались привлечь к игре с поцелуями, в третьей заставляли спеть что-нибудь озорное... Но чаще всего предлагали «штрафную», от чего Модест Тимофеевич, будучи убежденным трезвенником, категорически отказывался.

Выслушал Модеста Тимофеевича только один человек.

В квартире на самом верхнем этаже дверь открыла старушка.

— Ты одна, бабушка? — спросил Модест Тимофеевич.

— Одна, как перст. Наши-то все на лыжах ушли, а я при доме осталась.

— Бабушка, а ты, видно, верующая?

— Не без этого, сынок. Верую. В спасителя нашего Иисуса Христа.

— А знаешь ли, бабушка, почему мы празднуем встречу нового, 1964 года?

— Откуда мне знать? Чай, опять чего-нибудь перевыполнили...

— Не только поэтому. А еще и потому, что это 1964 год со дня рождения Христова.

— Выходит, касатик, в тот день Христос и родился?

— Именно так. В палестинском городе Вифлееме, в яслях.

— В детском садике, значит.

— Да нет же. В яслях, куда коровам и овцам корм закладывают.

Старушка на минуту оторопела, а потом истово перекрестилась.

— Страсти какие! Поди, намаялся, сердешный, в соломе-то барахтамшись... Вот уж истинно диво-дивное. А мне, старой, невдомек, чего это мои всегда колготятся под Новый год, жарят, парят, винище хлещут... А я, грешная, вчера от рюмки отказалась. Ты уж прости меня, темную. И спасибо, что просветил на старости лет...

Но Модест Тимофеевич не дослушал старушку, а быстро сбежал по лестнице вниз и вернулся домой.

Здесь он аккуратно вычеркнул памятную запись «Задушевное слово» и принялся за составление годового отчета о проделанной работе...

ВОСЕМНАДЦАТЬ ЛЮДОВИКОВ

Никодим Сергеевич обрадовался: тридцать второе декабря было неожиданным и приятным подарком. Можно будет повторить в классе столько событий, дат, которые почему-то никак не укладывались в головах школьников.

За последнее тысячелетие столько было королей! Столько Карлов, Генрихов, Людовиков! Особенно Людовиков. Хорошо, что у них хоть прозвища есть: один Ленивый, другой Толстый, третий Святой. А то было бы просто немыслимо запомнить, который утверждал абсолютизм, а который его разваливал.

Решено: завтра тридцать шесть юных историков будут повторять Людовиков. А Людовиков восемнадцать. Значит, на каждую парту пришлось бы по одному.

Итак, завтра в десять пятьдесят...

* * *

— Зеленко! Какой Людовик был назван Толстым?

— Толстым? Этот самый... Девятый.

— Подумай.

— Никодим Сергеевич, Толстый — это тот, который Ленивый?

— Комов, сиди спокойно. Не задавай глупых вопросов.

— Я знаю, Никодим Сергеевич. Толстый — это Благочестивый.

— Чушь! Мы говорим о королях Франции, а Благочестивый...

— Знаю, знаю, это который «Государство — это я».

— Ничего подобного. «Государство — это я» — Четырнадцатый.

— Зеленко, садись. Ты совершенно не усвоил курс. Жариков! Как называли Людовика Девятого?

— Одиннадцатый.

— Ты понимаешь, какую ты нелепость говоришь?

— Нет, это я ошибся. Двенадцатый он назывался.

— Михалев! Что тебе известно о династии, к которой принадлежал Людовик Двенадцатый?

— Людовик Двенадцатый был последний. На нем Валуи кончились и наступили Бурбоны.

— Какие Валуи? Династия Валуа не склоняется. И Бурбоны не наступили, а заняли трон. Садись. Малинина, какие выдающиеся события произошли во Франции при Бурбонах?

— Людовик Тринадцатый был Бурбон. И одна его знакомая маркиза часто говорила, когда они гуляли вдвоем: «После нас хоть потоп». А он ей отвечал: «Правильно! Париж стоит мессы».

— Ничего подобного! Это Генрих Четвертый говорил, а не Людовик.

— А я не могу запомнить все пословицы и поговорки, которые они говорили. Их вон сколько, королей этих...

«Плохо, — подумал Никодим Сергеевич. — Очень плохо. Вот если бы нам еще тридцать третье декабря...»

Но на это надежды не было.

— Этот календарь нам подходит...

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТОЛИ НАБОКОВА

— Вот и еще один год прожит,— сказал сам себе Толя Набоков, лежа на диване в пустой комнате и глядя в потолок.

Толя очень одаренный, но в какой области — это еще не ясно. Он не хлипок здоровьем, но его организм неустанно требует отдыха. Толя очень нервный, впечатлительный: увидит, например, милиционера, и у него дрожь в коленках.

Больше всего шокировали Толю встречи с участковым Грушиным.

Куда бы Толя ни пошел — в коктейль-холл, в кафе-мороженое или просто на междусобойчик, к Вовке-Лабуху, — всегда словно из-под земли перед ним вырастала фигура участкового Грушина.

— Помни, Набоков,— говорил участковый, строго подняв указательный палец,— если в этом году не устроишься на работу, далеко поедешь, перековываться поедешь. Готовь зубную щетку и теплое белье...

Толя растерянно ухмылялся и отвечал:

— До конца года еще есть время.

И вот времени уже не осталось: 31 декабря. Толя лежал на диване, рассуждал о жизни и думал, как он встретит Новый год. Но настроение было кислым: после вчерашнего болела голова и мысли почему-то возвращались к участковому Грушину:

От неприятных раздумий молодого Набокова отвлек приход матери.

— Мэм, дай мне малость монет,— промямлил Толя.— Новый год все же...

— Какой Новый год? Ты что — не слышал? Завтра 32 декабря.

КРОКОДИЛЬСКИЙ КОНЦЕРТ

снова по заявкам читателей

Исполнители: Г. АНДРИАНОВ, Б. САВКОВ, Ю. УЗБЯК...

«Это стрелочник, это стрелочник,
Это стрелочник виноват!..»

«А мы сидим с тобой,
Сидим, как птенчики...»

«Парень де...
Провожал ...

У Толика от радости перехватило дыхание, и он вскочил с постели.

На улице Толе повстречался участковый Грушин.

— *Помни, Набоков...*

— А я что, не помню? — независимо сказал Толя.— Время есть, завтра 32-е.

...У Вовки-Лабуха было весело. Что-то пили, что-то ели, что-то танцевали. А вот что *именно, Толя не запомнил. В памяти возникал* только Лабух, который с чайным стаканом в руке провозглашал постоянно один и тот же тост:

— Выпьем на нервной почве!

...*Толя проснулся не дома и не утром.* Когда он открыл глаза, то увидел участкового Грушина.

— Ну, что, Набоков? — спросил Грушин.— Догадываетесь, где вы оказались 32 декабря?

— Догадываюсь,— мрачно ответил Толя.

— Тогда позвоните маме, если нет денег, и внесите четыре рубля шестьдесят копеек. Здесь даром не обслуживают. А пока — скребок в руки и убирать улицу.

Набоков взглянул на часы и понял: короткий рабочий день 32 декабря уже закончился, отделы кадров закрыты...

Неужели придется припасать зубную щетку?

ДОЖДИК? СНЕГ?

Мне кажется, дело обстояло именно так. Высокий, начинающий седеть красавец с магнетическим выражением вдохновенно сияющих глаз сидел за огромным столом, уставленным всякого рода непонятными астрономическими приборами. Луч прожектора бросал таинственный свет на загадочные предметы, в беспорядке валяющиеся там и сям...

Губы седеющего красавца беззвучно шевелились. Зловещие морщины бороздили его чело. Волосы, напоминающие шевелюру Паганини и Бетховена, стояли дыбом. Дьявольская улыбка кривила его лицо в направлении снизу-вверх-направо.

Вот он вынул из металлического ящичка игральные кости и метнул их на стол, а результат немедленно записал на табличку. Затем, прикрыв синеватые веки, бормоча какие-то заклинания, этот странный человек вертит один палец вокруг другого и пытается соединить их наугад. Они не сходятся. Он записывает и этот показатель. Однако пытливая его мысль не успокаивается на достигнутом. Вынув из петлички пиджака бумажную ромашку, он медленно обрывает один лепесток за другим и что-то непрерывно шепчет. Итог опять фиксируется. Затем наступает финиш. Как молния, сверкнуло серебро, монета упала на пол. Орел или решка — вот в чем вопрос. Орел! Ура! Эврика!

Грудь человека, столь прерывисто вздымавшаяся до сей поры, испускает облегченный вздох. Наконец все ясно. Слегка пошатываясь от научного переутомления, человек подходит к микрофону, снимает пенсне и дрожащим от волнения голосом говорит:

— Передаем сводку погоды...

Мне кажется, что дело обстояло именно так. Во всяком случае, в ночь на 32 декабря. Я *уверен, что во все остальные 365 дней сводки* погоды составляются на более солидной научной основе.

Впрочем, кто знает...

ВСЕ РАВНО НЕ ПОМОЖЕТ...

Вопреки обычаю директор театра драмы не пригласил к себе в кабинет своего заместителя, а сам прибежал к нему в крохотную комнатку.

— Семен Адольфович!—возопил директор.— Слыхали? Радость-то какая! Нам продлили бюджетный год на целый один день. Официально объявлено: состоится тридцать второе декабря!

— Шутите? — криво усмехнулся зам.

— Шутки в сторону! Ну-ка, прикинем наскоро: что мы сумеем сделать в этот дополнительный денек? Разумеется, у себя на стационаре мы дадим два спектакля...

— Три! — воскликнул зам, придвигая к себе счеты и карандаш.— А может, даже четыре...

— Четвертый-то откуда? Ну, три — это понятно: утренник, обедник и вечерник... А четвертый куда воткнете?

— После вечернего представления сделаем новогодний бал с танцами и призами за лучшие костюмы. Теперь всюду так. Билетов продадим четыре полных комплекта...

— А не тесновато получится?

— Ничего! Современные танцы — это вам не мазурка и не вальс. Сейчас все танцуется впритирочку, так сказать... Обнимутся люди и ходят себе тихонько под музыку...

— М-да... Ну ладно. А какие будут у нас выездные спектакли?

— Тут в основном все ясно: «Девушку с веснушками» дадим у швейников, «Стряпуху» отправим к пищевикам, «Отелло» — в Дом медиков...

— Не выйдет!

— Почему?

— Канавцева играет Стряпуху, и она же Дездемона.

— Да, верно... И все-таки что-нибудь придумать надо... Позвольте, позвольте, Дездемону в конце концов душат! Вот тут и надо перекинуть ее в «Стряпуху»...

— Так душат именно в конце концов — в самом последнем акте!

— М-да... Опять не то...

Замдиректора склонился над бумагами. Он что-то все прикидывал на счетах и писал карандашиком цифры. А когда поднял голову от бумаги, лицо его было печально и спокойно. Он сказал:

— Да, вы правы, Павел Михайлович, не стоит нам так хлопотать об этих утренниках и вечерниках... Сколько мы их ни сделаем, все равно плана нам не дотянуть. Только испортим себе письмо в облисполком.

— *Какое письмо?*

— Дотацию-то все равно придется просить по тому случаю, что зритель к нам ходить в общем и целом избегает... Значит, чем хуже будет баланс, тем нам выгоднее: больше получим.

— Значит, вы...

— Угу. Я лично категорически против тридцать второго декабря. Нам это уже не поможет...

ПОД ГОРЯЧУЮ РУКУ

Интервью

— Расскажите, пожалуйста, как работает ваша парикмахерская тридцать второго декабря?

— Обыкновенно. Тридцатого работаем быстрее, чем двадцать девятого, тридцать первого на всех парах обгоняем тридцатое и к тридцать второму уже набираем стремительный темп. Клиентов много, как никогда, всех обработать нужно.

— Как вы обслуживаете клиенток?

— В эти горячие дни щипцы наших мастеров раскалены добела. За один накал пропускаем пятерых клиенток. Опять же стандартизация помогает. Тридцать второго всем отпускаем одну прическу — «заходи ко мне в пещеру». Когда в зал глянешь,— дым стоит коромыслом. А маникюрши пальцы дамам прямо кипятком шпарят, чтобы пропускную способность увеличить. Дамы только стонут: «А-а-а!»

— А в мужском зале?

— И в мужском зале шпарим вовсю. Каждому мастеру выдаем индивидуальные пакеты и аптечки. Учим их делать перевязки, и латать швы, и накладывать шины. Самообслуживание вводим: каждый клиент после стрижки сам себе голову моет. Вот так.

— Гарантирует ли все это выполнение предновогоднего плана?

— В этот горячий день наши парикмахеры без соответствующего инструктажа к работе не допускаются. Уборщицу тетю Клаву, как обычно, освобождают от всех обязанностей и назначают дежурной по связи со «Скорой помощью». Так что пожалуйте бриться!

В постановке юмористического эксперимента приняли участие **В. Ардов, М. Андраша, Ю. Благов, А. Вихрев, М. Григорьев, В. Драгунский, Б. Егоров, А. Моралевич, Б. Юдин.**

...в,

...девушку домой
...с гулянки...»

Л. САМОЙЛОВ,

«Этот стон у нас песней зовется...»

А. ЕЛИСЕЕВ и М. СКОБЕЛЕВ.

«Летят утки и два гуся...»

КОГДА ГАСНУТ ЕЛОЧНЫЕ ОГНИ...

Снегурочка и Деды Морозы.

Рисунок А. КАНЕВСКОГО

ШУТЛИВЫЙ ВИНЕГРЕТ

Антилопа, спасаясь от льва, вбежала в хижину туземца.

— Выходи! — требует лев.

— Не выйду!

— Да ведь хозяин хижины убьет тебя!

— Мне все равно — умереть от ножа или от твоих зубов.

— Но мне не все равно!

Отец — сыну:

— Знаешь, почему я тебя сейчас выпорю? Потому что ты ударил мальчика, который слабее тебя!

— А я думал, потому, что я слабее тебя.

Американская бабушка рассказывает внучке, что в ее время не было ни автомобилей, ни кино, ни телевизоров.

— Так что же вы делали, бабушка? — спрашивает внучка.

— Жили, дитя мое.

Билетерша парижского театра «Комеди франсез», квартира которой находится в здании театра, поместила объявление в парижской газете «Франс суар»:

«Сдаю меблированную комнату любителю театрального искусства. При квартире имеется театр».

В райские ворота стучится новоприбывший. Святой Петр спрашивает:

— Что хорошего ты сделал за свою жизнь?

— Однажды я дал злотый нищей старушке.

— А что еще? — спросил архангел Гавриил, записывая это сообщение в книгу добрых дел.

— Как-то раз в холодную зиму я купил голодному и озябшему ребенку леденцов на пятьдесят грошей...

— Что будем с ним делать, Гавриил? — спрашивает Петр.

— Слушай, давай отдадим ему его полтора злотых, и пусть катится к черту!

Эту историю рассказывают в Испании шепотом. Американцы после многих попыток наконец забросили соотечественника на Луну. Прилунившись, астронавт встречает человека.

— Вы, конечно, русский? — спрашивает он разочарованно.

— Нет, почему же! Я испанец.

— Что такое? Как же вы сюда попали?

— О, это было совсем нетрудно. Мы взяли сначала одного генерала, потом поставили на него одного священника, потом снова генерала и снова священника, снова генерала и снова священника... До Луны с избытком хватило!

Американский турист рассматривает в итальянском музее статую мужчины без рук и ног.

— Как называется эта статуя? — спрашивает он экскурсовода.

— Победитель.

— Черт побери! — восклицает американец. — Как же тогда должен выглядеть побежденный?

Стенографистка входит в кабинет начальника.

— Господин директор, кажется, вас зовут к телефону.

— Что значит «кажется»? Меня зовут или не меня?

— Видите ли, когда я сняла трубку, мужской голос спросил: «Это ты, старый бандит?»

Измученный человек в обтрепанном костюме подошел к старому паромщику.

— Мне необходимо перебраться на тот берег, — сказал он. — Но я без гроша.

— Плата за перевоз всего четверть доллара, — заметил паромщик.

— Я знаю, но у меня нет даже пятачка, — объяснил несчастный.

Паромщик затянулся трубкой и сказал:

— Знаете, мистер, если у вас нет даже пятачка, вам на той стороне будет ничуть не лучше, чем на этой.

— Одолжи мне десять шиллингов, старина, — обратился Браун к сослуживцу.

— Долги портят дружбу, а наша дружба стоит дороже десяти шиллингов, — ответил тот.

— Ты прав, — согласился Браун. — Давай двадцать.

СОВЕТЫ НА КАЖДЫЙ ГОД

СЛУЧАЙНЫЙ ГОСТЬ обычно приносит в дом счастье. Следовательно, надо позаботиться о нем заранее. По крайней мере приготовить для него запасной стул. Надо учитывать также, что случайных гостей может быть несколько. И тут очень уместно использовать опыт казаков. Отправляясь в далекий поход, казак, кроме того коня, на котором сидит сам, ведет на поводу еще и «заводного», то есть запасного. Будет очень хорошо, если каждый гость-мужчина привяжет к своему стулу еще и запасной. В качестве уздечки или поводка можно с успехом использовать брючный ремень, пояс женского платья или собственный галстук.

Такая предусмотрительность никогда не помешает. Ведь не только казаку, а и простому смертному, встречающему Новый год, скакать и скакать...

КАК ЧАСТО? Вопрос ритма, в котором следует поднимать бокалы за праздничным столом, является одним из наиболее спорных в современной науке. Тем более что одни предпочитают делать это в ритме бегуна на стометровку, другие — в неторопливом темпе стайера, у которого впереди еще десять километров.

Вопрос осложняется и тем, что поднять бокал — далеко не главное. Важнее, как и куда опустить его содержимое. Как же быть? Мы предвидим, что некоторые, узнав о сложности проблемы, вообще откажутся поднять праздничный бокал. Поэтому считаем необходимым все же дать один полезный совет: поднимайте ваш бокал, не забывая о жене. Женщины обладают поразительно развитым инстинктом, который без всякой научной подготовки позволяет им совершенно точно определить, когда мужу следует замедлить довольно однообразные движения правой руки: вверх-вниз, вверх-вниз...

ЕСЛИ РЯДОМ ЖЕНА. Как мы уже сказали, жены имеют обыкновение считать, что их супруги уже покушали достаточно. А мужья придерживаются противоположного мнения. Возникает вопрос: как укрыться от бдительных взоров жены во время встречи Нового года?

Ответ предельно прост: тайно принесите с собой маску, наденьте ее и... незаметно подсядьте к жене. Вообще-то говоря, она узнала бы вас в любой маске, но весь фокус заключается в том, что вы сидите рядом, галантно ухаживаете за ней, а она, бедняжка, ищет вас глазами рядом с другими женщинами. И беспокоится, не спрятались ли вы на кухне, чтобы полакомиться тайком еще каким-нибудь блюдом.

ЧИТАТЬ ЛИ СТИХИ? Читать. Но только не свои, а профессиональных поэтов. В них, как правило, удачно подобраны рифмы, расставлены все знаки препинания, и воспроизведены они не закорючками, а четким типографским шрифтом. Содержание не имеет никакого значения. Все равно стихов за новогодним столом никто не слушает.

БИТЬ ПОСУДУ гости не должны. Это прерогатива хозяйки дома.

(Смотри стр. 15.)

Вл. МАСС и Мих. ЧЕРВИНСКИЙ

Поздравитель

(Из сатирических портретов)

Он так решил:
приносят лавры
Одни фанфары и литавры...

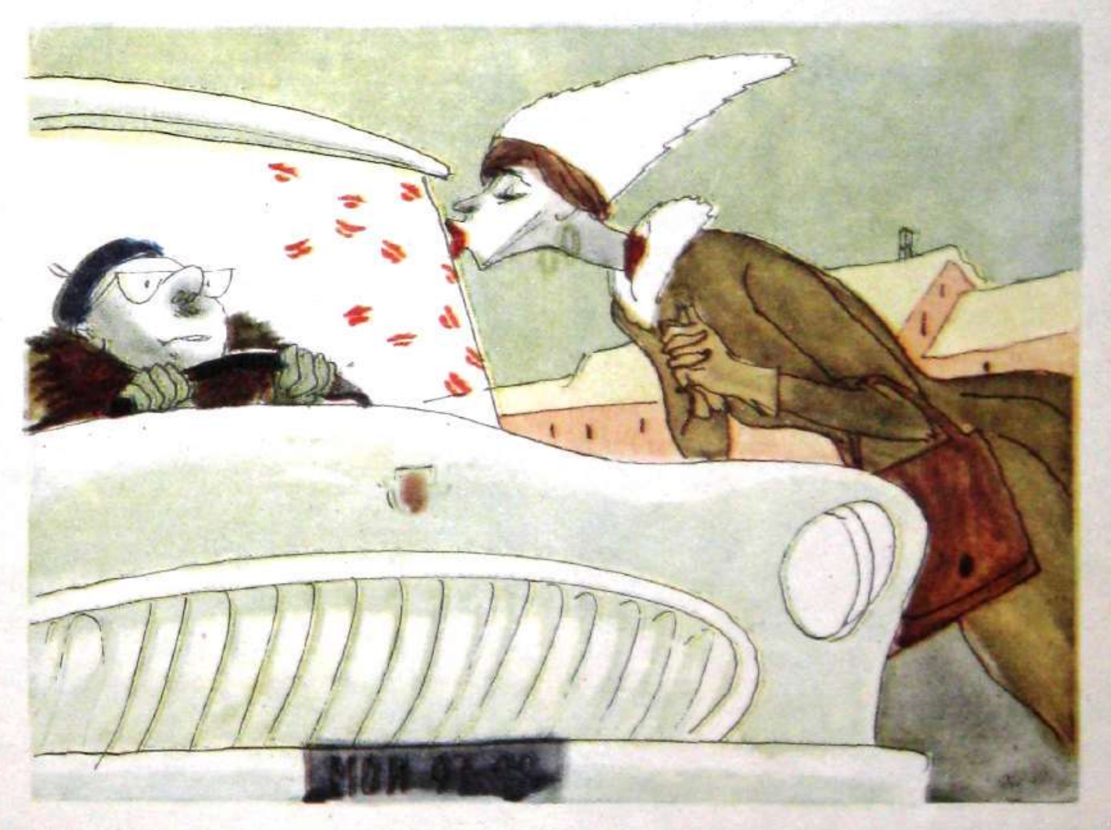
Нельзя прожить без жарких прений,
Без споров,
без словесных битв,
Но он рожден для поздравлений,
Для звуков сладких и молитв.
Не в бурях,
бардами воспетых,
Не в грозных стычках,
не в бою —
На юбилеях и банкетах
Карьеру сделал он свою.

Иной, дорвавшись до трибуны,
Разит,
клеймит с задором юным,
Порок бичует, зло вскрывает,
А он... он только поздравляет.
И поздравляет не формально,
Не с кондачка,
не глядя в лист,
А глубоко принципиально,
Почти что профессионально,
Как мастер,
как специалист.
Никто, мы это утверждаем,
Так не поздравит с Первомаем,
С законным браком и с разводом,
И с женским днем,
и с Новым годом.
Он накопил большой запас
Душевных слов,
сердечных фраз.
Он любит праздничные даты
И торжества,
а не дебаты.
И тут вполне он соответствует,
И тут он устали не знает.
Он поздравляет
и приветствует,
Приветствует
и поздравляет.

Он поздравляет с присвоеньем,
С врученьем,
с новым назначеньем,
Со всем, с чем можно поздравлять:
И с окончаньем начинаний,
И с начинаньем окончаний,
И с выполненьем обещаний,
И с обещаньем выполнять...

От поздравлений и приветствий
Не может быть плохих последствий.

Так, на общественных началах
Достиг успехов он немалых,
Завоевал авторитет
Незаменимый,
процветающий,
Неутомимый,
поздравляющий,
Любым словам предпочитающий
«Привет! Ура!»,
«Ура! Привет!».

Полюбила с первого взгляда...

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

СВЯТОЧНЫЕ

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ

— Лучше сделаем два мотороллера!

Рисунок В. ВОЛКОВА (г. Владимир)

— Опять у вас к Новому году номер с бородой!

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

В новогоднем номере любого периодического издания принято помещать новогодний, «святочный» рассказ. Когда-то были даже специалисты по таким рассказам, впрочем, давно ушедшие на покой.

И все же мы попытались возродить незаслуженно забытый жанр. И попросили ряд известных писателей выступить на страницах Крокодила...

ДОРОГИ ЛЕТНИЕ И ЗИМНИЕ

(Володимир СОЛОГУБИН)

Вот вы говорите: святочная тематика. А признаться ли вам, что я этих, святочных, ну, что ли, рассказов до сих пор не писал! Сейчас попробую. Ну святочный так святочный, подумаешь, какое дело!

Мальчонка один наш, олепинский, Костя, приехал с матерью за гостинцами в райцентр и заблудился. Ну, потерялся, что ли. Кто уж из них был виноват, Костя ли, мать ли, ну не виноват, не виноват, конечно, а как бы это помягче... проморгал, что ли, один другого, сказать не берусь. Задумал Костя в другой зал универмага пробежаться.

— Мамк! Я живо обернусь!

— Стой уж, где стоишь! Неуж не терпится?

А сама, видать, раздумывает: нись пустить, нись нет?

Костя и помчался, только ножонки в валенках замелькали. Вернулся быстро, а матери, к примеру, не нашел. Побрел Костя в одиночку по улице. Поплыли ему навстречу разные как бы зимние пейзажи. Сначала снег перед глазами был белый, небо серое, дома черные, а потом все стало тушеваться, заволакиваться, заштриховываться, как бы, сумерками. Ни с того вроде бы ни с сего стали припоминаться Костей разные отрывки из хрестоматии и хоровые песни, заученные в первом и втором классах. Почему бы это? А потому, что дорога зимняя настраивает на высокий вроде бы лад, заставляет забыть о мелочах, о разных фактах и фактиках — к примеру, о зябнущих ручонках и ножонках, поднимает со дна как бы души разные высокие мысли...

Полный этих мыслей, а потому веселый, хоть и крепко зазяб, подполз Костя к окну: ножонки уже отказали. Видит: за окном елка, а вокруг хоровод водят ребята, ну там мальчики и девочки или что-то в этом роде. В отдалении Снегурка пляшет, ловко так, умело: ее одна наша олепинская девчонка Нюра изображала. И Дед Мороз, Костя видит, тоже свой, олепинский, Егор Платоныч, плотник. Вышел Дед Мороз наружу, увидал Костю:

— Эх, паря! Замерз, чай! На, глотни!

Глотнул Костя и на ноги встал. А Егор Платоныч крепко обтер горлышко, сам приложился и говорит:

— Винища я этого выдул за свою жизнь омут, покарай меня бог, омут!

Сейчас Дед Мороз уходит, а на его место из дома девочка выпрыгивает. Взяла Костю за руку. Тут надо заметить, что Костя в жизни своей ни под каким видом и предлогом не держал девочек за руки. И такое тепло его охватило, ну, что ли, блаженство. И видит он, будто с девочкой этой идет по летней дороге в родную деревню. Кругом поле, и не то, чтобы пустое место, а, к примеру, хлеба. Синее марево разливается, а из него то проглянет небыстрая, ну, что ли, речка, то затрепещут или вовсе задрожат молодые листки березы... И еще видит Костя, как несильным, неярким пламенем костерок горит и серебряная рыбина хвостам в речке бьет.

Да, забыл сказать, что Костя к тому времени замерз, и на летнюю дорогу попал единственно силой сказочного, что ли, волшебства. Как в предсмертном воображении.

Короче говоря, совсем Костя замерз или частично, этого сказать не берусь. Может, он еще и выжил и мать нашел. А может, помер. Никакого действия, ну, что ли, влияния на мой рассказ эта подробность оказать не может.

Наталия ИЛЬИНА

НАСТЁНА

(А. МАТРЕНИН-ДВОРИН)

Почитай, еще цельный год после того с опаской открывали люди толстую журнальную книжку и льнули к оглавлению: что там, нет ли чего?

Нет. Пошелестев 288 страницами, люди шли дальше.

Только корректоры знали и помнили, отчего это все.

Да я.

1

Уж к лютой зиме шло дело, когда опять захотелось мне затесаться и затеряться в самой нутряной России. К Новому году дело шло.

Маненько подался я самоходом по шаше — и замелькали вокруг деревеньки: Шкворни, Оглоблино, Чересседельники, Супоньцы, Шлеино. Кондовой Россией подуло.

Ночь застигла самоход и меня самое как раз тут.

— К Настёне тебе надо,— посоветовала старуха, держа под уздцы бело-грязную криворогую козу.— Не в запущи Настёна живет, а уборно. У нее и ночуй.

— Заходи, заходи желйдной,— сказала Настёна.— Избы не жалко. Только вот не умемши, не варёмши как утрафишь?

Просветлел тут весь я. Куда надобно, думаю, попал.

А хозяйка к ужоткому стол накрывает. К ужоткому — к ужину, значит. Поставила блюдо с моченой брусникой.

— Поточи зубки, Игнатич.

Потом сало несет, холодец, грибки соленые, огурчики в маринаде.

«Ну,— думаю,— выдралась из колотной своей житёнки, баба». А сам присматриваюсь: не перекособочена избенка, не видно на стене древних сельповских ходиков, не тянет д у е л ь в окна. Кошка молода и не как та — без всякой п о р ц и и: не колченога, не хромает. Не доносится из-за перегородки непрерывный, как далекий шум океана, шорох таракана. Тот шорох, с которым я так свыкся, ибо в нем не было ничего злого и лжи тоже не было.

2

— Иззаботклась я,— говорит мне Настёна,— да не знаю, угожу ли.— Ведь Новый год встречаем, Игнатич.

А сама все ни к а р т о в ь мне ни несет, ни суп к а р т о н н ы й.

Влез я тогда опять в свою телогрейку, удалился за занавеску и сел писать святочный рассказ.

3

Не о Настёне, конечно. А о той праведнице, у которой прожил я почти всю зиму и которой обещал машину торфа предоставить.

Рассказ, без которого не устоит на ногах ни один истинно русский писатель.

Ни журнал.

Ни вся литература наша.

Михаил ГРИГОРЬЕВ

МОРОКА С БАНАНАМИ

(Аксилий ВАСЕНОВ)

1. Михаил Вилкин.

Сегодня утром в общежитие приехал Витька Пасхин. Сказал, что в «Гастроном» привезли бананы с острова Пасхи. С острова его имени.

— Трепись, трепись...— сказал я и лег на койку.

Витька все стоял и не уходил.

— У девушки с острова Пасхи

Украли любовника тигры...— запел я.

— А это видел? — сказал Витька и вынул из-за щеки четыре банана.

«Усосаться! — подумал я.— Бананы у нас в общежитии!»

Они были, как мясистые губы двух негритянок. Двух улыбающихся негритянок.

РАССКАЗЫ

— Похиляли? — сказал Витька.
— Подожди, подруга! В зубах, что ль, тащить будем? Чего уродоваться? Портянок возьмем.
Когда мы выбегали из подъезда, нас остановил Толик Миронов.
— Ребя! — сказал он.— Очухайтесь. Зачем нам бананы? Помидоры под «Столичную» лучше. А?
Мы молча плюнули ему в лицо. Сначала я, потом Витька. Он утерся.

2. Марина Полимер.

Я живу в отдельной квартире. А муж в командировке. Всегда. Я лежала в теплой ванне и рубала апельсины. Апельсин был кругл, как Гаргантюа, и рыж, как Моби Дик. Я лениво откусывала дольку за долькой и воображала, что это неведомый плод манго. Вдруг открылась дверь и вбежали Витька Пасхин, Толик Миронов и еще какой-то чудак. В обеих руках он держал по портянке, и остальные называли его Мишкой. Весь он был какой-то несобранный.
— Едем за бананами,— выдохнул Витька,— с острова Пасхи!
— Товарищ Полимер,— сказал Миронов,— довожу до вашего сведения, что вы как сознательная студентка и деваха на большой должны ехать со мной за помидорами. Не забудьте, что Новый год мы встречаем вместе. И вообще...
— Не знаю, не знаю...— загадочно улыбнулась я. Как это странно: любишь одного, выходишь замуж за другого и вдруг в тебя влюбляется третий. А тут еще бананы и этот Мишка.
— Собирайся, подруга! — орал он, размахивая портянками.
Я оделась, мы вышли на улицу и с трудом впихнули свои молодые тела в троллейбус.

3. Толик Миронов.

Приятно сознавать, что проблемы бананов и помидоров не существует. Что она выдумана. Что она выдумана лично мной. Но уж если организованно встречать Новый год, то ясно, на что надо тратить свои трудовые. Конечно, на помидоры. А вот Марина Полимер кинулась за бананами. А еще с филфака! Кстати, я на днях спросил ее, почему она поступила на этот факультет. Марина ответила: «Потому, что там больше всего ощущается трудовой пульс страны!» Интересно, что она хотела этим сказать?

4. Виктор Пасхин.

Мы сидели в ресторане втроем: Марина, я и Мишка. Мы пришли со своими бананами. Ох, и рубали же мы их!
— Э, а э! — сказал Мишка.— Чивой-то я деградирую! Бананы ваши мне обрыдли. До лампочки! Жрите сами, черти!
Марина сидела рядом со мной, положив ногу на ногу. Я увидел ее круглую, тугую коленку, обтянутую тонким чулком. Бананы бросились мне в голову. Я всадил вилку в колено. Вилка задрожала. Чулок лопнул. Мне стало неудобно, и я вынул вилку.

5. Аксилий Васенов.

Я сижу и думаю. Думаю и сижу. Морока с этими бананами...
А ну их!
Может, и верно: помидоры лучше.
А то вкалываешь, вкалываешь целых двенадцать месяцев, аж *спина мокрая.*
Не заметишь, как Новый год пришел. И глядишь: «Избранное» получается какое-то несобранное...
Морока с этими бананами.

МОДНАЯ ПУГОВИЦА

(Ягуар АВВАЛОВ)

Я сидел в служебном кабинете майора Пронина и смотрел на его седеющие виски. Майор молчал. Я знал, о чем он молчит. Обычно, помолчав, он чихал. И после этого все становилось ясно. Я *давно знаю майора Пронина: я знал его, когда* он был еще простым капитаном. Уже тогда он был Прониным.
— Ап-чхи! — чихнул майор. И сразу все стало ясно.— Пуговица! — сказал майор Пронин. Он *чихнул еще раз.— Модная пуговица. Не наша* пуговица. Да. Не наша.
Я не сразу заметил яркую пуговицу модной расцветки. Она переливалась всеми цветами радуги в крепкой руке майора. Это был конец истории. А начиналась она так.
Телефон зазвонил пронзительно и тревожно как раз в ту минуту, когда стрелки часов сошлись на двенадцати и Новый год приступил к своим обязанностям. Майор Пронин, как всегда, был на своем посту. Я, как всегда, сидел рядом. Мы едва успели чокнуться и пожелать друг другу новых успехов. Майор едва успел допить свой бокал полусухого шампанского, закусить килькой пряного посола и рассказать мне две-три новых истории.
Все эти детали имеют прямое отношение к сюжету, а если не имеют, то будут когда-нибудь иметь.
— Ага... так... так... Понятно. С кем? Ага. *Так. У меня все. Найдем! Я сказал: найдем!* — Майор Пронин положил трубку на рычаг и посмотрел на меня.— Пропала Снегурочка,— тихо сказал он.
— Снегурочка? — повторил я.
— Снегурочка,— повторил он.— Интересное дело. В средней школе, почтовый ящик номер 512 дробь 513, сейчас идет костюмированный новогодний бал. Первый приз за костюм «Снегурочка» получила отличница Лена Храброва. Ее портрет был недавно в «Вечерней Москве». Помнишь, в лыжном костюме с двумя волейбольными мячами в руках и учебником по высшей математике в зубах? Подпись: «Наша Лена — наша смена!» В общем, сейчас она пропала. И знаешь, кто танцевал с ней?
Я недоуменно пожал плечами.
— Вот именно! — сказал Пронин.— А я знаю.
— Откуда? — привычно изумился я.
— Отсюда,— коротко ответил Пронин и показал на телефон.
Я изумился еще больше.
— Так вот,— продолжал Пронин.— Ее кавалером был некто в маске. Чувствуешь? Но мы сорвем с него маску, не будь я Пронин.
— Но там же все в масках, на балу-то...— робко заметил я.
— Вот именно! — подчеркнул Пронин.— Все в масках. Идеальная обстановка для операции «Рислинг». Для похищения молодой советской девушки, отличницы учебы, будущей матери-героини. А ты знаешь, кто танцевал с Леной? Ее партнером весь вечер был некто во фраке и цилиндре. Костюм «Мистер-Твистер». Понимаешь, какая гениальная идея? Ему даже переодеваться не пришлось. Прямо из гостиницы в школу, из школы в машину, из машины за город, на дачу. Там подвал, в подвале пытки, она не сдается, ничего не хочет подписывать, симулирует помешательство. Тогда ее в холодильник.
— За-зачем? — шепнул я ошеломленно.
— Зачем? — переспросил Пронин. Он был великолепен в этот миг.— Холодильник — в грузовое такси. Такси — на аэродром. Холодильник — в самолет. Самолет — через океан. Они за ней следили с первого класса. Операция «Рислинг».
— Но при чем здесь «Рислинг»?
— А ни при чем. Чтобы не догадались. Шифр.
— Но что же мы сидим? — вскочил я.— Надо спасать Храброву! Бежим! Едем! Летим!
— Ап-чхи! — чихнул Пронин.— Спокойствие. Я все предвидел на триста страниц вперед. Дача окружена. Подвал блокирован. Номера всех холодильников и грузовых такси в этом блокноте. Мистеру-Твистеру несдобровать!
Я молча поцеловал майора в седеющий висок. И тут же пронзительно задребезжал телефон.
— Пронин слушает,— сказал майор.— Ага. Так... так... отлично. Видите, я же говорил, что найдется. Не стоит. И вас также.
Пронин повесил трубку.
— Храброва просто пошла домой,— сказал он, не глядя на меня.— А Мистер-Твистер оказался куда хитрее, чем я думал. Он выдает себя за одноклассника Лены Костю Федотова. Ловкий ход! — Пронин задумался и взгрустнул.— Неужели я выхожу в тираж? — тихо спросил он.
— И очень хорошо! — бодро вскричал я.— Тираж-то какой! С таким тиражом жить да радоваться!
Пронин улыбнулся и положил пуговицу в ящик.

Александр РАСКИН

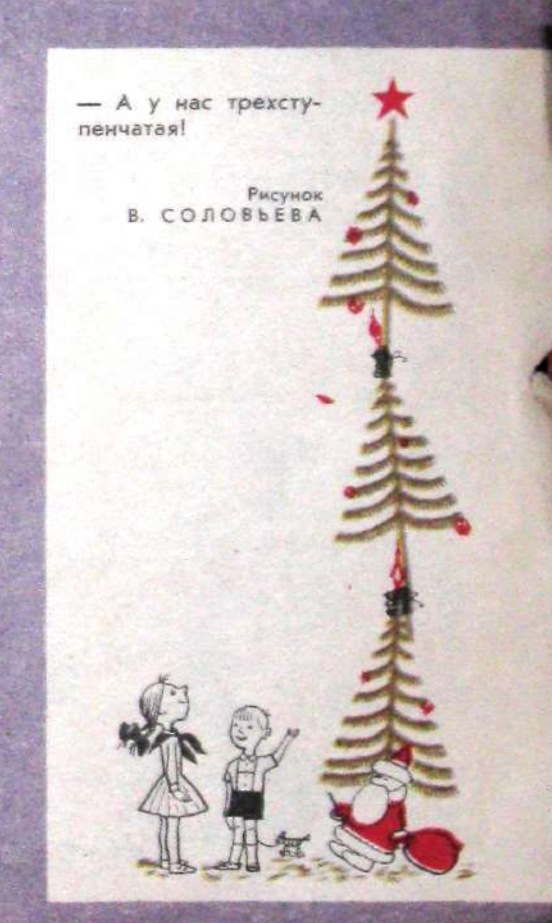

— Елка не состоится... Я забыл купить свечи!

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

Рисунок А. ГРУНИНА

— А у нас трехступенчатая!

Рисунок В. СОЛОВЬЕВА

Мои премии

Я решил отметить лучшие произведения, напечатанные в 1963 году на страницах журнала. Решил и установил специальные премии.

Не так-то просто справиться с такой сложной задачей. Но я не испугался трудностей и... переложил их на плечи авторитетного жюри (председатель — Н. Н. Кружков). После долгих и жарких дебатов жюри присудило премии:

Заслуженному деятелю искусств РСФСР Ю. ГАНФУ за рисунок «Над крышами Парижа» (Крокодил № 6).

Е. ВЕДЕРНИКОВУ за рисунок «Инспектор производственного управления» (№ 9).

Народному художнику РСФСР И. СЕМЕНОВУ за рисунки «Ну кто же мог подумать, что санаторий для сердечников выставит такую сильную команду!» (№ 17) и «Крестный ход против сорняков» (№ 20).

Г. АНДРИАНОВУ и М. БИТНОМУ за темы для рисунков «Крокодильского концерта» (№ 30).

Э. КРОТКОМУ (посмертно) за эпиграммы и афоризмы (№№ 1, 2, 4, 13).

Я. КОСТЮКОВСКОМУ за стихотворения «Все как у Чуковского» (№ 30) и «Наша благодрнст...» (№ 11).

М. ЗАХАРОВУ за рассказ «Страшная месть» (№ 26).

Премии за лучшие фельетоны получили С. ШАТРОВ «Ребята из Ерш-избы» (№ 19) и А. НИКОЛЬСКИЙ «Принципиальность с большой буквы «П» (№ 5).

КРОКОДИЛ

И. Семенов

С. Шатров

Ю. Ганф

А. Никольский

Я. Костюковский

М. Захаров

Е. Ведерников

Г. Андрианов

М. Битный

Ее величество контора

Известно, что в прошедшие времена была целая категория людей, охотившихся за титулами. Чем длиннее и замысловатее титул, тем выше задирала нос титулованная особа.

Помнится, графа Монте-Кристо один ехидный мальчик наделил целой кучей титулов, вроде «набоб Раджпутаны, император Кохинхинский, светлейший князь Апалачский». За точность не ручаемся: нет книги под рукой.

Зато под рукой имеется приказ по Мурманской областной конторе «Главвторсырье», где предлагается Кировскую контору «Главвторсырье» именовать так:

«Кировская заготовительная контора по заготовке и обработке вторичного сырья Главвторсырье при СНХ РСФСР».

Получилось куда длиннее и пышнее. Чем не графиня Монте-Кристо эта самая контора?

Таким же манером Апатитская средняя школа получила великолепный, блистательный титул «Апатитская средняя общеобразовательная трудовая политехническая школа № 8 с производственным обучением». Было три слова, а теперь одиннадцать.

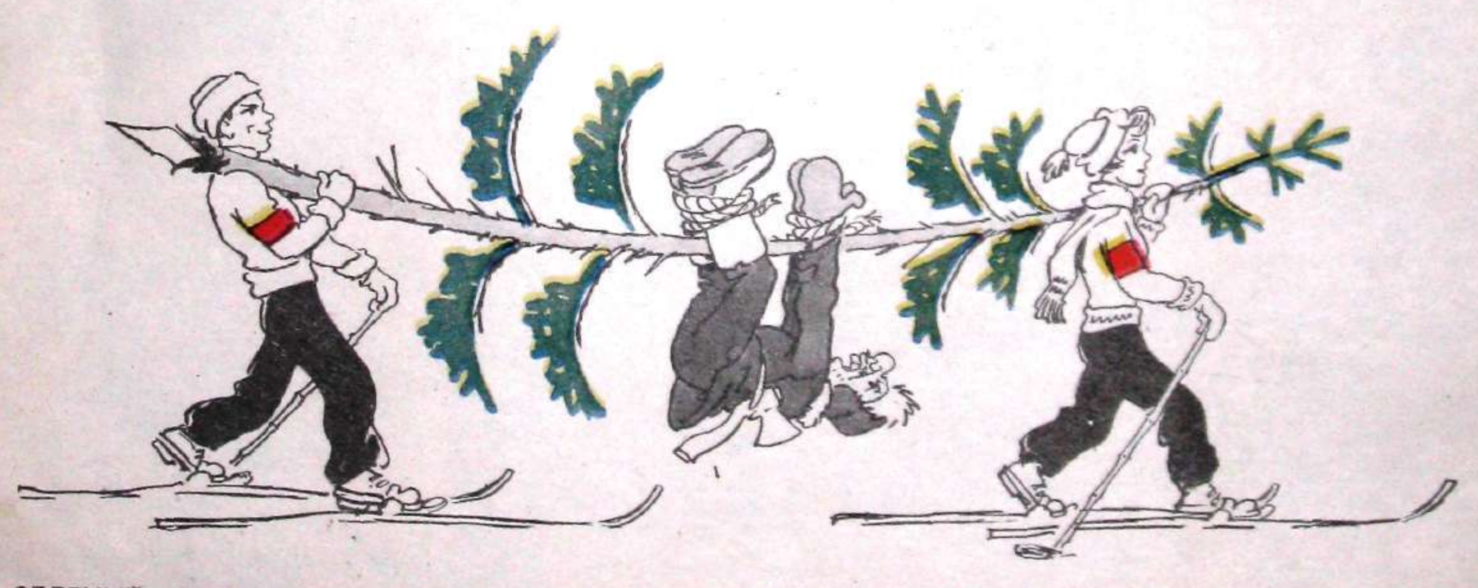
Оно бы вроде пустяки. Как говорят, хоть горшком назови, только в печку не ставь.

Да от этих нескончаемых названий плачут работники Госбанка. Им, беднягам, теперь, чтобы заполнить чековую книжку на 25 листков, нужно не менее часа.

А сколько денег уйдет на телеграммы с таким адресом! Зато внушительно! Респектабельно!

Н. ПАЛАШ

г. Кировск, Мурманской области.

ЗЕЛЕНЫЙ ПАТРУЛЬ

Рисунок А. БАЖЕНОВА

Владимир АЛЕКСЕЕВ

ЛЕСНАЯ БЫЛЬ

— Ванюха!
Ты же уезжал
на лесозаготовки!
Какой судьбой
домой попал?!
Видать, в командировке?
— Да не-е-е!
— Не болен ли, старик?
Ну, сознавайся:
болен?
— Да не-е-е!
Здоров!
Здоров, как бык!
Я, брат, того...
Уволен!
— Уволен?!
Что ж ты натворил?
Должно быть,
запил малость?

— Да не-е-е!
В лесу лишь воду пил!
Уволен я
за жалость!
Бывало,
глянешь на сосну:
Красавица!
Отрада!..
А их ведь за день
не одну —
до сотни
срезать надо!
Свалю в полдня
штук пятьдесят —
еще
с полста осталось!..
Вздохну и сяду: пусть стоят!..
Уволили...
За жалость!

Происшествия

Чертова дюжина

Я тринадцатое число тоже не очень люблю. Несмотря на то, что у нас в этот день получка.

Уж, кажется, радоваться нужно. Ан нет. Только, понимаете, разлетишься к кассе — бах! — оказывается, по командировке не рассчитался, гони подотчетные! Два шага отошел — товарищ за пиджак трогает: «Должок за тобой старый...»

Скрипнешь зубами, но достаешь монету.

А дома? Жена у меня — передовая женщина. Ей хоть тринадцатое, хоть черная кошка — безразлично. Ей деньги давай!

Опять скрипнешь зубами и опять молчишь. Потому что тринадцатое число. Никуда не денешься.

И с этой стороны я очень понимаю товарища Шарова, который споткнулся как раз на этой злополучной цифре.

Он, между прочим, работает в Совете профсоюзов Молдавской ССР и с нечистой силой близкого знакомства не имел. Ему общественное положение не позволяло. А скорее всего он ее просто боялся и обходил стороной.

И вот один раз он подходит к своему дому № 4, что расположен на улице Василе Александри. И видит на дверях квартиры зловещую цифру «13».

Сначала он подумал, что это так, легкое наваждение. Поскольку хорошо помнил, что живет в квартире № 4. Он не подумал ничего плохого. Он даже легкомысленно поинтересовался у проходившего соседа: кто, дескать, живет под таким мрачным номером?

И сосед так же легкомысленно ответил, что живет, дескать, здесь сам Александр Павлович Шаров, собственной персоной. А номер на его дверях переменили только сегодня. Поскольку объединилось 4 дома и домоуправление решило навести порядок с нумерацией квартир.

И тогда товарищ Шаров понял, что он обречен. Нечистая сила наложила на него свою печать. Отметила, так сказать, чертовой дюжиной, и теперь надо ждать несчастья.

Помрачнел товарищ Шаров. День ходит мрачный. Два ходит мрачный. На улице солнышко, птицы поют, люди веселятся, а Александр Павлович ходит мрачный. И беду ждет.

И что вы думаете? Его предчувствия сбылись.

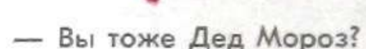
Началось с того, что товарищ Шаров стал требовать замены номера «13» на прежний и переругался с домовым комитетом. Это было уже плохо, но еще терпимо.

Тогда он решил самостоятельно защищаться от потусторонних сил. Поплевал через левое плечо и выдрал с корнем ненавистную табличку. А на ее месте написал огромную цифру «4».

Сделал он это, как вы сами понимаете, из предосторожности, чтобы сбить с толку сатану. Но в первую очередь сбил с толку почтальонов, которые стали выражать недовольство. А кое-кто даже стал показывать на него пальцем.

Чертова дюжина начала проявлять свои зловещие свойства. И тогда Шаров начал писать. Он писал и в горжилуправление, и в горисполком, и в газеты, и в журналы — и в местные и в центральные,—и что бы вы думали? Все оказались бессильными против нечистой силы. Мало того! Каждое письмо возвращалось в домовый комитет, и там прямо-таки озлобились против неугомонного жильца. А вся-то его вина в том, что он не хочет иметь дела с дьявольщиной...

Н. АНДРЕЕВ

— Вы тоже Дед Мороз?
— А как же! Стиляг обслуживаю!

Рисунок Е. ШУКАЕВА

СОВЕТЫ НА КАЖДЫЙ ГОД

ПЕСНИ. КОГДА ИХ ПЕТЬ? Целесообразнее всего использовать песни для заполнения образующихся за столом пауз. Допустим, какой-то гость, неловко повернувшись, свалил на пол фикус — предмет гордости и нежных забот хозяйки. Возникает неловкая пауза. Тут как раз самое время подхватить хором:

Раскудрявый клен зеленый,
лист резной.
Я влюбленный и смущенный
пред тобой!..

Другой гость нечаянно расплескал вино и испортил скатерть. Хор запевает:

Плещут холодные волны,
Бьются о берег морской...

А когда доведенные вашим слишком громким пением до отчаяния соседи начнут ломиться в дверь, нимало не смущаясь, запевайте: «Вот солдаты идут...»

ЕСЛИ В ДОМЕ НЕ ОКАЗАЛОСЬ ШТОПОРА, садитесь за стол и пейте чай или кофе. Чайников или кофейников, которые бы открывались с помощью пробочника, наша промышленность пока еще не выпускает.

КОГДА РАСХОДИТЬСЯ? Поручите одному из наиболее надежных гостей внимательно следить за хозяином дома. Когда хозяин зевнет в десятый раз, это будет означать, что пора брать в руки шапки. Рекомендуется брать именно собственный головной убор, а не чужой. Не забывайте, что 2 января — рабочий день. И будет неловко, если кто-нибудь из сослуживцев скажет: «Что-то у тебя, Иван Иванович, после праздника и шапка набекрень!»

●

«Советы на каждый год» разработали М. Виленский, Г. Мануйлов, В. Митин и З. Юрьев.

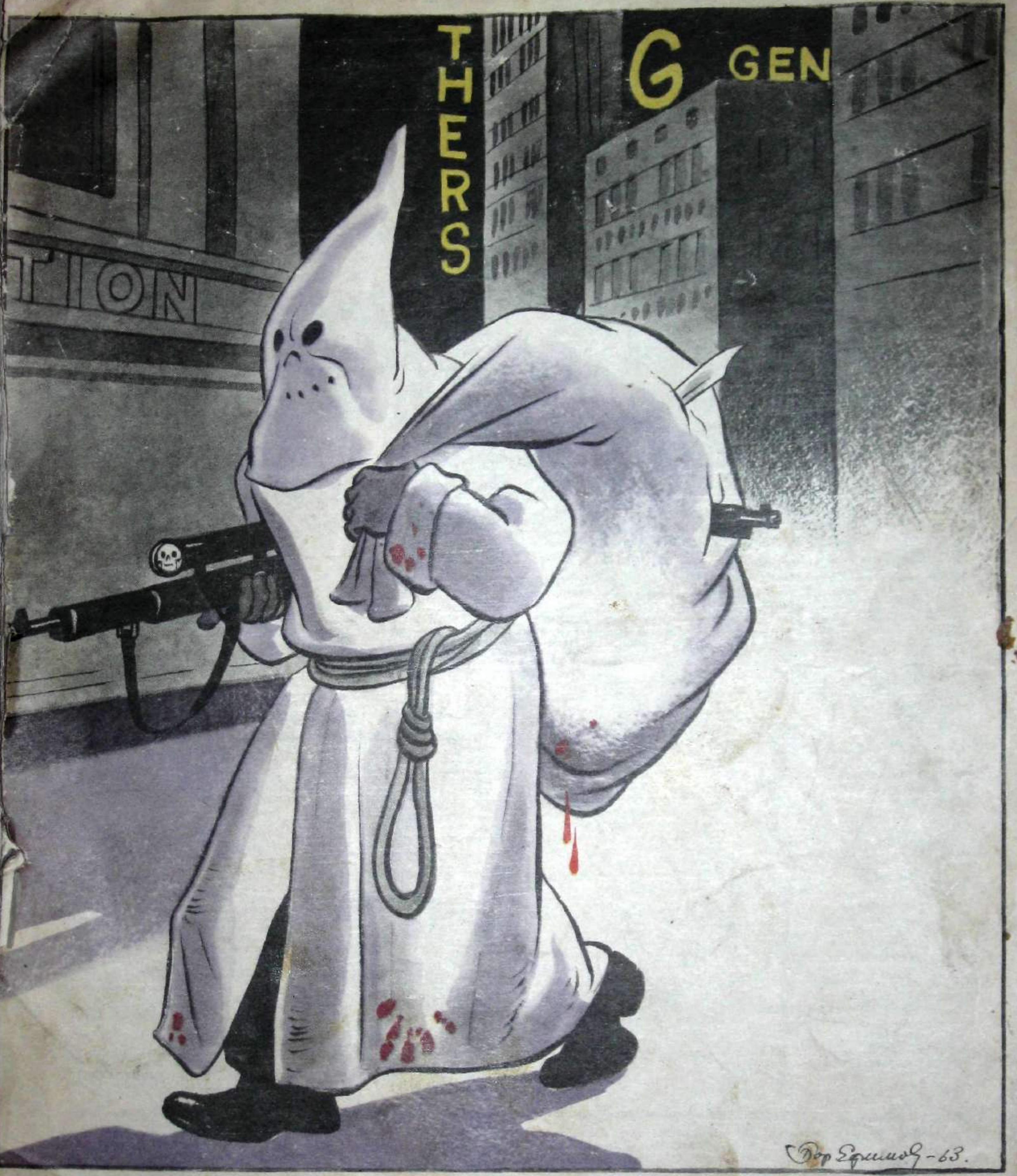
Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ. Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, М. Э. ВИЛЕНСКИЙ, А. Е. ВИХРЕВ, Б. А. ЕГОРОВ (зам. главного редактора), КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), А. Н. РЕМЕЗОВ (ответственный секретарь), И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМИРНОВ, А. А. СУКОНЦЕВ, Е. А. ШУКАЕВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА». Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный пр., 14. Тел. Д 3-31-37. Издательство «Правда».

А 00235. Изд. № 2046. Подписано к печати 19/XII 1963 г. Формат бум. 70 × 108 1/16. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 3154. 1 бум. л. — 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 12 коп.
Индекс 70436

Американский САНТА-ку-клукс-КЛАУС

Рисунок Бор. ЕФИМОВА